

УДК: 94

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18678309>

ОТ ВАРВАРА К ГРАЖДАНИНУ: ПУТЬ В РИМСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

Бредихин В. В.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: bredikhinvv@mail.ru*

Рассмотрена трансформация варваров из внешних врагов Римской империи в полноправных граждан и даже правителей, как это представлено в позднеантичной нарративной традиции. Автор анализирует широкий спектр текстов IV – VI века – от исторических хроник до риторических произведений, таких как сочинения Сидония Аполлинария, Клавдия Клавдиана, Павла Орозия, Олимпиодора и других. В центре внимания находятся разнообразные нарративные стратегии, отражающие процесс интеграции варваров в римское общество: военная служба, предоставление гражданских прав, заключение браков с римлянами, освоение латинского языка и культурных кодов, а также принятие христианства. В статье показано то, как эти процессы привели к размыванию традиционных границ между «римлянами» и «варварами», формируя новую идентичность, основанную не столько на этнической принадлежности, сколько на культурных, правовых и религиозных признаках. Особое внимание уделяется анализу политики интеграции варваров в армию и администрацию империи, описанию их социальной мобильности, а также изменениям в восприятии римскости (*Romanitas*) в условиях политического кризиса, миграционных процессов и распространения христианства. Говорится также о том, что к VI веку варвары уже перестают восприниматься как угроза империи и становятся её преемниками, продолжая римские традиции в новых политических реалиях раннесредневековой Европы. Таким образом, позднеантичная нарративная традиция предстает ключевым источником для понимания эволюции понятий «римлянин», «варвар» и «гражданство», отражая переход от классического римского мира к новому средневековому порядку.

Ключевые слова: Поздняя античность; варвары; римляне; *Romanitas*; нарративная традиция; гражданство.

Поздняя античность стала эпохой глубоких трансформаций, затронувших не только социально-политическую структуру Римской империи, но и саму концепцию римской идентичности. В условиях миграций, войн и культурного взаимодействия перед римскими авторами встала необходимость осмысления статуса «чужаков» – варваров, которые не только воевали с Империей, но и служили ей, ассимилировались и становились частью римского общества. Так, по сообщению исследователя Р. Мэттизена, «ко времени вторжений варваров в V веке у римлян и варваров было больше сходств, чем различий, и это соображение помогает объяснить в основном ненасильственный характер варварской оккупации Западной Римской империи» [14, p. 191].

Одним из ключевых сюжетов позднеантичной нарративной традиции стало превращение варвара в римского гражданина – процесс, который имел как юридическое, так и символическое измерение. В трудах римских интеллектуалов

этого периода можно проследить различные модели интеграции варваров, отражавшие римские представления о варварстве, цивилизации и границах империи.

Позднеантичная эпоха, по мнению Д. Рорбахера, была «местом значительного участия германских народов в римских политических и военных делах, в частности готов» [15, р. 207]. Поскольку многие варварские народы были либо неграмотными, либо передали потомкам малое количество своих сочинений, мы сталкиваемся с прямой зависимостью от письменных исторических источников римского происхождения: в частности, в вопросах реконструкции культуры и истории варваров. Большинство сохранившихся текстов созданы римскими или византийскими авторами, которые рассматривали варваров через призму своей цивилизационной парадигмы. Это приводило к стереотипизации образов «чужих» народов, изображению их либо как угрожающих дикарей, либо как романтизированных «благородных дикарей». В таких источниках, за редким исключением, часто доминируют политическая пропаганда, моральные поучения и оправдание имперской политики, что усложняет реконструкцию реальной истории варварских народов. Однако, несмотря на стереотипизацию и политическую ангажированность таких текстов, они дают ценную информацию о том, как римляне воспринимали процесс интеграции варваров в свое общество. Как отмечает М. В. Кирчанов, «литературные тексты играли роль того пространства, в рамках которого не только конструировались образы империи, но и формировалась сама имперская идентичность» [2, с. 259–260].

На протяжении веков римская идентичность оставалась динамичным и многослойным феноменом, отражавшим эволюцию империи и её взаимодействие с окружающим миром. В отличие от греческой модели, основанной на этнокультурной исключительности, римская идентичность носила более инклюзивный характер, позволявший разным народам становиться частью римского мира. Представляется необходимым выявить и проанализировать нарративные стратегии, используемые позднеантичными авторами для описания интеграции варваров в римское общество, определить идеологические и политические факторы, влиявшие на этот процесс, а также проследить изменение представления о варварстве и гражданстве в позднеантичной традиции.

С момента основания Рима идентичность его жителей была неразрывно связана с гражданским статусом. Быть римлянином означало не только принадлежать к определённому народу, но и участвовать в политической и правовой системе, которая отличала римских граждан от остальных жителей. В начале Римской империи гражданство, по сообщению Р. Мэтисена, представлялось «элитным правовым статусом» [14, р. 191]. Это объясняется тем фактом, что граждане империи обладали определенными правами, привилегиями и обязательствами.

Большинство свободного населения империи проживало в провинциях и не имело гражданства. Эти люди были известны как *provinciales* (жители провинций) или *peregrini* (иностранцы). Постепенно политика предоставления гражданства распространялась и на эти категории жителей, что Р. Мэтисен, считает «одним из величайших успехов Римской империи» [Ibid]. Данная тенденция была связана с

включением *provinciales* и *peregrini* в систему управления империей: например, вступлением в городские советы или службой в *auxilia* (к началу позднеантичной эпохи данный термин претерпел значительные изменения в своем лексическом значении и стал обозначать «не вспомогательные войска, как во времена принципата, а самостоятельно действующие подразделения» [1, с. 238]). Таким образом, гражданство стало наградой за оказанные ее жителями услуги империи.

Кульминация распространения римского гражданства связана с эдиктом императора Каракаллы, известным также как *Constitutio Antoniniana*, изданном в 212 году, по которому всем, кто находится в «римском мире», предоставлялось гражданство Рима. Исключением являлся класс лиц, называемых *dediticii* – они по-прежнему оставались без гражданских прав. Данное событие в историографии расценивалось как своего рода «начало конца» римской цивилизации. Так, П. Браун отметил, что «хрупкие привилегии и самоуважение, когда-то связанные с понятием гражданства, исчезли» [9, р. 154]. Аналогичные утверждения отражены и в работах других исследователей: А. Солнера [17, р. 97], Дж. Ф. Гарднер [11, р. 187], А. Н. Шервин-Уайта [16, р. 445] и др. Более радикальное отношение к изданию эдикта 212 года прослеживается в работе П. Гарнси: «для некоторых современников с римским гражданством было покончено... гражданство утратило всю остаточную ценность, которой оно обладало ранее» [12, р. 140].

После того, как римское гражданство стало, по сути, всеобщим, появилось множество определений того, что значит быть *civis* (гражданином), и повсеместно существовало двойное гражданство различных форм. Иными словами, жители империи больше не идентифицировали себя как *cives Romani* – они предлагали другие виды *cives*. Так, существовала концепция муниципального гражданства – например, *civitates* (города). По мнению Р. Мэтизена, «быть *civis civitates* было, вероятно, основным статусом» [14, р. 196]. В качестве примера можно привести слова галльского поэта IV века Авсония: «Я люблю Бордо, я уважаю Рим: я гражданин одного, консул в обоих; моя колыбель была здесь, мое курульное кресло там» (*Auson. Orat.* 3. 1176).

Схожие тенденции в поисках иных способов идентичности, помимо универсального римского гражданства, прослеживаются и у варваров, проживавших на территории Римской империи. Так, в 423 году Флавий Фаустиниан описал свою покойную жену на эпитафии во Флоренции как *civis Alamanna* (*CIL.* XI. XXX, 1731). Показательной представляется и надпись на эпитафии солдата, похороненного в городе Аквинкуме: «я *civis Francus* и римский солдат с оружием в руках» [*Ibid.*, р. 198]. Эти надгробные эпитафии демонстрируют сложный процесс интеграции варваров в римское общество и указывают на двойственную идентичность варваров, получивших римское гражданство, и позволяют проследить важный процесс инкорпорации варварских элит в римское общество. Сидоний Аполлинарий в письме папе Василию упоминает его спор с арианом Модахарием в 470-х годах и обозначает последнего как «*civis Gothus*» (*Sid. Epist.* VII. 6, 2).

Принятие христианства в качестве государственной религии в IV столетии также принесло дополнительные способы обретения статуса гражданина. Поскольку

христианские священнослужители, администраторы и императоры становились все более нетерпимыми к любому, кто не был ортодоксальным христианином, обладание полным гражданством стало основываться на христианском конфессиональном статусе. Позднеантичные авторы повествуют о том, что язычники, иудеи и еретики страдали от ущемления своих гражданских прав и возможности пользоваться римским гражданским правом (Lib. *Orat.* XXX F; Sym. *Rel. III*; Theod. *Hist. Eccl.* 5, 21; Socrat. *Hist. Eccl.* V, 19; Amm. XXII. 11, 9 и др.).

Таким образом, эдикт Каракаллы 212 года, распространивший римское гражданство на практически всех свободных жителей империи, радикально изменил само понимание того, кто является римлянином. Если ранее гражданский статус был главным инструментом разграничения римлян и неримлян, то после эдикта эта грань стерлась, вынуждая римскую интеллектуальную элиту искать новые критерии различия. В Поздней античности, на фоне политического кризиса, военных угроз и миграционных процессов, границы римской идентичности начали размываться, что поставило перед римскими авторами вопрос: кто может считаться римлянином? Ключевыми маркерами принадлежности к римской культуре начали выступать язык, уровень образования, манеры и стиль жизни. Владение латынью, особенно умение говорить и писать грамотно, рассматривалось как показатель истинной римскости (*Romanitas*), а риторическое искусство стало не просто средством социальной мобильности, но и своеобразным тестом на культурную аутентичность.

Особое место в этом обсуждении занимали варвары – выходцы территорий за пределами империи, которые, попадая в римское общество, могли принимать его нормы и ценности, но при этом сохраняли свою «чуждость». Как отмечает исследователь Г. Хэлсолл, «использование терминов «римлянин» и «варвар» обусловлено обозначением важного организационного и культурного различия между цивилизацией и дикостью» [13]. Их статус варьировался от наёмников и федератов до полководцев и даже императоров, что вынуждало римских интеллектуалов и хронистов пересматривать традиционные представления о принадлежности к римскому миру. Согласно исследованию Э. Демужо, «варвары, которые становились членами действующей армии, занимали римские военные или гражданские должности или женились на римлянках, должны были каким-то образом стать гражданами» [10, p. 384].

Так, оратор Фемистий в 383 году в своей речи отметил, что «готы больше не называются варварами, они – римляне» (Themist. *Orationes.* 167. 211–212), а ритор Пагат в 389 году заявил, что император Феодосий I (379–395 гг.) побежденным варварским солдатам «*iussisti esse Romanam*» (приказал быть римлянами) (Pacat. *Pan. Lat.* 12. 36, 4). Данные фрагменты подчеркивают специфический характер политики императора Феодосия I, в основе которого – интеграция варваров в римское общество, особенно в армию и административные структуры. Проварварская политика императора заключалась не только в военных союзах с варварскими племенами (например, с готами после битвы при Адрианополе в 378 году), но и в их постепенной романизации. Фемистий свидетельствует о политическом курсе на признание варваров частью имперской структуры, а не враждебной силой за ее

пределами. Вероятно, это была попытка легитимизировать новое положение варварских федератов, поселенных на римских землях. Пакат, в свою очередь, подчеркивает не только административное решение, но и идеологический посыл: варвары включаются в римское общество, получая права и обязанности, аналогичные римским гражданам, по крайней мере, в военной сфере.

Важное место во внутренней политике Западной империи второй половины IV – начала V в. занимал Стилихон – римский полководец варварского (вандалского) происхождения. Римский поэт Клавдий Клавдиан в панегирике Стилихону писал о нем следующее: «И ликовала судьбы грядущей провидица Рома, ради столь славного чада тебя удостоясь в гражданстве» (Claud. *De cons. Stilich.* 3. 180–181) [здесь и далее пер. с лат. Р.Л. Шмарак, 2008 г.]. Данная цитата отражает ключевой мотив позднеримской идеологии – интеграцию варваров в римскую политическую и культурную систему. В этом контексте Рома, персонифицированная как богиня, символизирует не только сам Рим, но и его способность расширять границы гражданства, принимая в свой состав новых членов, достойных этого статуса. Для Поздней античности характерно представление о римском гражданстве не как о чисто юридическом статусе, а как о почетном даре, связанном с культурной и моральной трансформацией. Когда Клавдиан говорит о ликовании Ромы из-за появления «славного чада», это подчеркивает, что новообретенные граждане, даже если они происходили из варварской среды, должны были доказать свою римскость – через военные заслуги, службу империи, владение латинской культурой и добродетелями. Иными словами, ключевым становилось соответствие римским культурным и социальным нормам, а сам процесс принятия варваров в римскую общность рассматривался как своего рода символическое посвящение, благословленное самой Ромой. Фраза о том, что Рим «удостоил его гражданства», намекает на его интеграцию в римскую элиту и попытку представить его не как чужака, а как истинного римлянина. Историк Олимпиодор также являлся защитником Стилихона, как это ясно, например, из его очевидного принятия притязаний полководца на регентство над Гонорием и Аркадием, так как. «он [Стилихон] вел успешно войну за римлян со многими народами» (Olym. fr. 2) [пер. с греч. С. Дестуниса, 1860 г.]. Слова Олимпиодора показывают, что к началу V века варвары не просто жили внутри империи, но играли ключевую роль в ее защите и управлении. Стилихон – пример того, как варвар мог стать полностью римским гражданином в военном и политическом смысле.

Заслуживает внимания Клавдия Клавдиана и деятельность Стилихона по покорению и включению в империю других представителей варварских обществ: «Токмо она побежденных к себе приемлет на лоно и человеческий род ласкает именем общим, матери как, не владычице сродно, и числит средь граждан ею смиренных, крепя далекое связью приязни» (Claud. *De cons. Stilich.* 3. 150–154). Клавдиан подчеркивает уникальность Рима среди других держав: он не просто покоряет народы силой, но включает их в свою общую цивилизацию. Империя представляется не как жесткий господин, а как заботливая мать, способная даровать гражданство и объединять покоренных варваров с римлянами. Фраза «числит средь

граждан ею смиренных» указывает на то, что варвары могут стать частью римского общества, но только после подчинения. Это важно в контексте военной политики Стилихона, который не просто сражался с варварами, но и активно привлекал их в армию и администрацию.

Письменные нормативные источники также свидетельствуют о данном направлении внутренней политики. Так, в законе 399 года прослеживается личная роль императора в предоставлении земель варварам, недавно принятым в «лоно» Рима: «Поскольку те, кто ищет римского счастья среди многих варварских народов, отправляются в нашу империю, от имени которой должны управляться *laetic* земли, никто не должен заслуживать ни одного из этих полей, кроме как через наше *adnotatio*» (*CTh.* 13.11.10). Статус *laeti* присваивался варварам с III века, в его основе, как сообщает Р. Мэтисен, было «разрешение селиться на землях в пределах империи в обмен на уплату налогов и военную службу» [14, р. 204]. Со временем *laeti* были включены и в правовую систему Римской империи, что делало их приближенными к статусу римских граждан. Однако, как видно из положения правовой нормы, присвоение данного статуса ограничивалось введением *adnotatio* (регистрация) – юридического документа, выдаваемого непосредственно императором конкретному представителю варварского сообщества. Данный акт предоставлял особую привилегию – фактическое включение варвара в римскую правовую систему, а, значит, и предоставление ему статуса римского гражданина. Наряду со статусом *laeti* некоторые варвары удаивались и статуса колона – фермера-арендатора.

Позднеантичные нарративные источники богаты информацией относительно упоминаний об исполнении варварами со статусами *laeti* или колона своих обязательств перед империей. Так, Аммиан Марцеллин, повествуя о военных успехах Феодосия, отметил: «Много [алеманнского] народу он [Феодосий] перебил, некоторых взял в плен и послал их, согласно приказанию императора, в Италию, где они получили плодородные земли и живут теперь, как податное население, на реке По» (*Амм.* XXVIII. 5, 15). В «Истории Августов» также подчеркивается, что после победы Клавдия II Готского (268–270 гг.) над готами «римские провинции были заполнены варварскими рабами и готскими земледельцами» (*SHA Divus Claudius.* IX, 3). Панегирик Константину I (306–337 гг.) отмечает один из успехов императора, заключавшийся в том, что «франкские народы поселились в пустынных районах Галлии и поддерживают мир в Римской империи своим возделыванием, а в ее армии – своими наборами» (*Pan. Lat.* VII. VI, 6).

Заключение брака между римлянами и варварами также представляется важным аспектом становления последних гражданами империи. Так, испанский поэт конца IV века Пруденций писал: «общий закон делает нас равными... родной город охватывает в своих объединяющих стенах сограждан... чужеземные народы теперь собираются по праву брака: ибо со смешанной кровью создается одна семья из разных народов» (*Prud. Con. Symm.* 2, 598–614). Слова Пруденция выражают идеологическое оправдание интеграции варваров, подчеркивая, что варвары становятся римлянами не только по закону, но и через общую кровь, культуру и семейные связи.

Одним из «громких» браков между римлянами и варварами является женитьба короля вестготов Атаульфа (410–415 гг.) на похищенной в ходе взятия Рима Аларихом в 410 году Галле Плацидии – сестре императора Гонория (395–423 гг.). Современник этих событий, Павел Орозий, описывает данный союз как часть божественного плана: «связанная посредством брака с могущественнейшим королем, она [Галла Плацидия] принесла великую пользу для государства» (Oros. VII. 40, 2) [пер. с лат. В.М. Тюленева, 2004 г.]. Римский историк говорит о «великой пользе для государства», имея в виду попытку превратить вестготов из врагов Рима в его союзников. Это соответствует практике поздней империи, когда браки между римской аристократией и варварскими правителями служили способом включения варваров в римскую систему. Аналогичная поддержка данного брака встречается и у Олимпиодора, который подробно описывает процесс бракосочетания: «В чертоге, убранном в римском вкусе, с царским великолепием, сидела Плацидия на первом месте. Атаульф сидел вместе с нею, в плаще и остальной римской одежде... Брак совершился среди игр и веселья варваров и бывших с ними римлян» (Olymp. 24). Описанный Олимпиодором свадебный обряд подчеркивает стремление Атаульфа и его окружения следовать римским обычаям: так, «чертог, убранный в римском вкусе» – свидетельство того, что готская элита заимствовала римский стиль, демонстрируя стремление к ассимиляции; «с царским великолепием» – намек на римскую концепцию императорского достоинства, что подтверждает желание вестготского короля встроиться в римскую политическую систему; «Атаульф сидел в плаще и остальной римской одежде» – еще одно указание на принятие римских традиций. Одежда имела важное значение в римской культуре, и тот факт, что варварский король облачился в римское одеяние, подчеркивает его желание выступать не как завоеватель, а как римский государственный деятель. Действительно, брак Атаульфа и Галлы Плацидии мог бы оказать существенное влияние на судьбу Римской империи: по сообщению Д. Рорбахера, «если бы сын Атаульфа, провокационно названный Феодосием, выжил, как внук Феодосия Великого он был бы очевидным наследником престола» [15, р. 224]. Несмотря на смерть ребенка, а затем и Атаульфа вскоре после этого, оптимистичные суждения Павла Орозия и Олимпиодора представляли более мирное будущее с готами, союзными, но подчиненными римской власти.

Заслуживают внимания и брачные стремления дочери Галлы Плацидии – Гонории. Она была вынуждена выйти замуж, как отмечает Д. Рорбахер, «за неудачника» [Ibid, р. 227], и в отчаянной попытке сбежать тайно передала свое кольцо Атиллу, правителю гуннов, вместе с предложением руки и сердца. Тот, в свою очередь, прошел через Галлию, чтобы потребовать свою невесту в Италии, но был отбит объединением имперской армии под командованием Аэция и готской армии под командованием Теодориха I в Орлеане.

Описание свадебных церемоний римлян и варваров является и предметом повествования Сидония Аполлинария. Одно из его писем содержит информацию о свадьбе патриция свевского происхождения Рицимера с дочерью императора Антемия, которая также проходила по римским обычаям: крики «*Talassio!*» (как

отмечает Е.В. Литовченко, данные призывы «можно расценивать как пожелания счастья молодой семье» [5, с. 58]), участие в церемонии *pronuba* («подружек невесты»), одежда жениха и невесты, сам свадебный ритуал (Sid. Epist. I. 5, 10–11) – все эти элементы показывают, что такие браки были не просто личным союзом, но и социальным инструментом, помогающим варварам принять римскую идентичность и гражданство.

Важным представляется и описанное Сидонием бракосочетание молодого князя бургундского или франкского происхождения Сигизмера и дочери бургундского короля Хильперика (473–480 гг.). Как мы видим, данный брак представляет собой союз двух представителей варварской среды, однако свадебная церемония проходила все же по римским обычаям: «... [Сигизмер] одетый в огненно-красную тогу, отливающую багряно-золотым, и шелковую тунику молочно-белого цвета...» (Epist. IV. 20, 1) [здесь и далее пер. с лат. Е. В. Литовченко, 2016 г.], «кроме коротких туник различного цвета... на них [сопровождающих Сигизмера] были надеты зеленые плащи, окаймленные красными полосами и закрепленные фибулами; перевязи, спускающиеся с плеч, поддерживали мечи» (IV. 20, 2). Эти детали показывают, что варварская знать, даже будучи носителями военной традиции своих народов, стремилась адаптироваться к римским нормам, принимая внешние признаки римской элиты. Описанная Сидонием картина демонстрирует не только процесс романизации варваров, но и гибкость римской идентичности в условиях сосуществования с варварскими элитами, которые уже были частью римской системы власти.

Важным направлением в позднеантичной нарративной традиции представляется и само принятие римскими интеллектуалами факта обретения варварами статуса гражданина. Вопрос о том, какие качества и поступки делают варвара римлянином, стал центральным в дискурсе Поздней античности. Так, уважение Аврелия Виктора к варварам было основано на доблести дикарей, сражавшихся за Рим: «До сего времени Империей правили рожденные в Риме или в Италии; в дальнейшем же – чужеземцы и, может быть, даже намного лучше... город Рим возрос главным образом благодаря доблести чужестранцев и заимствованным у других искусствам» (Aur. Vic. De Caes. XI, 12–13). Аврелий Виктор иллюстрирует естественный процесс трансформации римской идентичности, в котором варвары становились не просто гражданами, но и ключевыми фигурами империи. Вместо жесткого противопоставления «римлян» и «варваров» происходило постепенное слияние, которое вело к созданию нового, более широкого римского общества.

Сидоний Аполлинарий, будучи одним из главных ненавистников всего варварского, находил из этой среды достойных представителей. Одним из таких был вестготский король Теодорих II (453–466 гг.), которого римский интеллектуал описывал в письме своему другу – Агриколе. В начале текста Сидоний отмечает понятие «*civilitas*» (Sid. Epist. I. 2, 1), приписывая его Теодориху. Как отмечает исследователь П.П. Шкаренков, «*civilitas* – это не только вежливость и учтивость, но также способность и склонность правителя вести себя как подобает гражданину... вестготский правитель уже доказал свою принадлежность к римскому миру» [8, с. 317]. Для Сидония Аполлинария важным в личности Теодориха II являлось

приспособление последнего к римской культуре – при описании как физических, так и духовных характеристик вестготского правителя Сидоний «воспроизвел стереотипное расписание и манеру поведения отчасти римских императоров, отчасти провинциальных имперских функционеров – то есть собственно германского элемента в описании Сидония не содержится» [3, с. 104].

Аналогичная тенденция Сидония Аполлинария встречается и в отношении следующего вестготского короля – Эйриха (466–484 гг.). Так, римский интеллектуал посвятил одно стихотворение его жене – Рагнахильде (VII. 14, 10). Как отмечает Е. В. Литовченко, оказание должного внимания к варварской женщине было обусловлено тем фактом, что она владела латынью, что для Сидония «являлось одной из высших духовных ценностей и признаком принадлежности к высокой римской культуре» [4, с. 197], так как целью римской интеллектуальной элиты в позднеантичную эпоху было «поддержание высокого уровня латыни, её сбережения от проникновения варваризмов» [6, с. 78]. Его обращение к Рагнахильде показывает, что варварские королевы могли играть ту же культурную и социальную роль, что и римские знатные дамы. Важность владения латынью прослеживается и в письме Сидония римскому полководцу франкского происхождения Арбогасту: «Хотя ты пьешь из Мозеля, у тебя во рту – вкус Тибра; и поэтому твоя речь не содержит варваризмов» (IV. 17, 1). Эти цитаты подтверждают, что границы между варварской и римской элитой стирались: варвары не просто завоевали Галлию, но и перенимали римские традиции.

В сочинении Павла Орозия приводится иной критерий для принятия варваров: будучи христианским историком, для него важным представляется христианское вероисповедание. Он не только считает, что обращение варваров в других странах достойно похвалы, но и восхваляет прибытие варваров в империю, поскольку это приводит к их обращению и, возможно, умиротворению. В конце своего труда Орозий отмечает: «Впрочем, если только ради того варвары были впущены в римские земли, чтобы повсюду от востока до запада Церкви Христа пополнились в качестве верующих гуннами, свевами, вандалами, бургундионами и другими бесчисленными народами, милосердие Божье оказывается достойным похвалы и прославления, так как... эти племена получили знание об истине, каковое не смогли бы открыть, если бы не случилось все таким образом» (Oros. VII. 41, 8). Орозий предлагает новый критерий римскости: теперь варвары могут стать частью римского мира не через законы или культуру, а через христианскую веру. Это показывает, что процесс превращения варваров в римских граждан уже шел не только на политическом и юридическом, но и на религиозно-идеологическом уровне.

Другим важным аспектом трансформации идентичности варваров было участие последних в традиционной римской гражданской деятельности. Так, в конце IV столетия христианский богослов Синезий высмеивал варварских генералов, которые, «завернувшись в грубый плащ и надев сверху тогу, приходят рассуждать с римскими магистратами об общественных делах, восседая в первом ряду после консулов, выше стольких почетных граждан. Потом, выйдя из сената, они снова надевают одежды из звериных шкур и смеются с своими товарищами над этой тогой,

одеждой, как они говорят, неудобной для людей, которым нужно носить меч» (Syn. *De Regno* 20). Цитата Синезия представляет собой яркое ироничное свидетельство той двойственности, которая сопровождала процесс интеграции варваров в римское гражданское и политическое тело. Эти «новые» граждане, по внешним признакам принявшие римскую культуру (тога, участие в сенате), на деле сохраняли приверженность своим традициям и внутренне дистанцировались от римской идентичности. Синезий показывает варваров как людей, играющих роль римлян – надевших «маску» гражданства – но не идентифицирующих себя с Римом по духу. Образ смены звериной шкуры на тогу и обратно символизирует поверхностность и ритуальность их «римскости»: в сенате – *cives*, а вне его – прежние варвары. Насмешка над тогой, «неудобной для тех, кто носит меч», отражает неприятие цивилизованных римских норм как слабости, и подчёркивает сохранение агрессивной варварской идентичности. В более широком контексте слова Синезия выражают тревогу образованной римской элиты по поводу утраты культурной гомогенности: варвары не просто становятся частью Рима – они, оставаясь иными, начинают занимать в нём почётные места, в том числе в управлении.

Аналогичная точка зрения относительно участия варваров в римской гражданской деятельности встречается у Зосима. Византийский историк отмечает: «Гайна [варвар готского происхождения], который не обладал ни честью, ни деловыми качествами для должности магистра, никак не мог удовлетворить свою варварскую ненасытность к взяткам». Цитата Зосима отражает характерный для позднеантичной римской нарративной традиции взгляд на варваров, получивших высокие должности и формально ставших частью римского государственного аппарата. Гайна, гот по происхождению, занимавший пост *magister militum* (военный магистр), представлен здесь не как полноправный и уважаемый гражданин, а как чужак, чьи моральные и профессиональные качества якобы не соответствуют римским стандартам. Слова «не обладал ни честью, ни деловыми качествами» подчёркивают, что, даже находясь у власти, варвар воспринимается не как равный, а как чужеродный элемент в системе. Упоминание «ненасытности к взяткам» усиливает образ варвара как носителя коррупции, алчности и моральной порчи – черт, противопоставляемых идеализированному римскому *mos maiorum* (обычное право римлян). Тем самым варварское происхождение увязывается с внутренним разложением имперской элиты, а включение варваров в римские институты подаётся как симптом общего упадка. Слова Зосима иллюстрируют, как правовая инклюзия не означала социальной или культурной ассимиляции и как римская идентичность продолжала формироваться через отрицание варварского как противоположного по духу.

Несмотря на подобные обвинения в нечестии, жадности и несоответствии римским добродетелям, варвары, достигшие высокого статуса в империи, не только формально включались в римские институты, но и активно участвовали в традиционных формах аристократической репрезентации, включая сенаторский эвергетизм. Получив гражданство и доступ к должностям, многие из них перенимали и демонстрировали нормы элитарного поведения – возведение общественных зданий,

устройство празднеств, подношения городским общинам. Подобные жесты благотворительности, воспринимаемые как проявление римской *virtus* (гражданственность) и приверженности общему благу, становились способом легитимации нового статуса и культурной интеграции, а также, как отмечают исследователи Е. В. Литовченко и С. В. Шилина, формирования «положительного общественного мнения о человеке, который их совершал» [7, с. 107]. Так, по сообщению Р. Матизена, в 460-х годах «варварский патриций Рицимер финансировал мозаики для арианской церкви в Риме» [14, р. 210], а в 471 году «варварский мастер солдат Валила Теодобий продиктовал, вычитал и подписал сохранившийся *donatio* (дар), который основал никейскую церковь в Тиволи» [Ibid]. Данные факты иллюстрируют важный аспект трансформации варваров в римских граждан – их активное участие в институционализированных формах социальной щедрости и религиозного покровительства, типичных для позднеримской элиты. Финансирование строительства церквей и украшение их мозаиками – не просто проявление личного благочестия, но акт публичного самопредъявления, демонстрации статуса и приобщения к культурному коду римской аристократии. То, что подобные инициативы исходят от людей варварского происхождения, таких как гот Рицимер или Валила Теодобий, показывает: они не только занимали высокие посты, но и осваивали ключевые механизмы римского *habitus* (поведение). Следует заметить, что Валила не просто упоминается как жертвователь – он диктует, читает и подписывает дарственную формулу, то есть действует в соответствии с римскими канонами институциональной памяти и юридической точности. Таким образом, такие акты можно рассматривать как свидетельства глубокой степени интеграции: варвары становятся не просто формальными гражданами, а полноценными участниками римской культурной и социальной системы, выражающими свою принадлежность через язык архитектуры, права и религии.

Утверждение о «сопротивлении варварской культуры» римскому влиянию отражает распространённый в историографии стереотип о варварах как внешней, антагонистичной силе по отношению к Римской империи [18, р. 388]. Однако фактическое взаимодействие этих групп с римским миром было гораздо сложнее и глубже. Вандалы, остготы, вестготы, франки и лангобарды на протяжении нескольких поколений находились в постоянном контакте с римскими институтами, служили в армии, осваивали латинскую письменность, принимали участие в административной системе и участвовали в христианизации, зачастую принимая даже внутренние церковные споры. Их элиты перенимали римские формы власти, образа жизни, представления о легитимности и даже символику имперского величия.

По сути, эти «варвары» не существовали вне римского контекста: они возникли как политические образования именно в процессе и в результате взаимодействия с Римом. Государства остготов в Италии или вестготов в Испании невозможно представить вне римской правовой традиции, языка и административных структур. Даже на уровне самопонимания варварские короли нередко позиционировали себя не как разрушители, а как продолжатели римского порядка. Поэтому корректнее говорить не о противостоянии, а о включённости этих народов в культурный,

правовой и идеологический ландшафт поздней империи: они были не внешними разрушителями, а трансформирующими агентами внутри римского мира. После падения Западной Римской империи в 476 году варварские королевства, возникшие на её территории, продолжили соблюдать многие римские традиции и обычаи. Вестготы, остготы, бургунды и франки, правившие бывшими римскими провинциями, переняли римские административные структуры, систему налогообложения и латинский язык как язык управления. Варварские правители, стремясь легитимизировать свою власть, часто сохраняли римские титулы, чеканили монеты с императорскими символами и поддерживали римские законы, которые адаптировались в правовых сводах новых государств.

Римские культурные традиции также оставались значимыми в повседневной жизни. Городская элита продолжала пользоваться римской одеждой, латинской письменностью и придерживаться римского стиля жизни, особенно в Италии и Галлии. Варварские короли, такие как Теодорих Великий, покровительствовали римским философам, юристам и архитекторам, что способствовало сохранению римского наследия в общественных и религиозных институтах. Римские обычаи в повседневной жизни (свадьбы), судопроизводстве и землевладении продолжали действовать и влиять на правовые и социальные нормы варварских королевств.

Так, во второй части сочинения Анонима Валезия представляется жизнеописание короля остготов, а в дальнейшем и короля Италии – Теодориха Великого (470–526 гг.). Анонимный автор представляет его успешным правителем, справившимся с политическим кризисом, вызванным захватом власти Одоакром в 476 году: «В его времена на тридцать лет в Италии установилось такое благополучие, что мир продолжался и после» (Anon. Val. II. XII, 59). Одним из успехов Теодориха, отмеченным в сочинении, является веротерпимость по отношению к ортодоксальным христианам (сам Теодорих придерживался арианства): «он ничего не помышлял против католической религии, так что римляне именовали его [вторым] Траяном или Валентинианом, временам которых он неуклонно следовал, а готы после [издания им] эдикта, по которому определялось право, считали его самым деятельным королем» (II. XII, 60). Нельзя пропустить и «крылатое» выражение Теодориха, упомянутое в данном сочинении: «Жалкий римлянин подобен готу, разумный же гот подобен римлянину» (II. XII, 61). Данные цитаты свидетельствуют о том, что к началу VI века процесс интеграции варваров в римский мир завершился: варварские короли уже не были варварами в привычном смысле, а стали продолжателями римской традиции. Теодорих Великий – яркий пример этого, так как он принял римские государственные традиции, уважал римское население и религию, укрепил правовые нормы, обеспечившие мирное сосуществование римлян и готов. Таким образом, правление Теодориха демонстрирует конец эпохи варварских завоеваний и начало эпохи варварских государств, которые видели себя преемниками Рима.

На основании сказанного можно сделать следующий вывод: анализ позднеантичных нарративных источников показывает, что процесс интеграции варваров в римскую идентичность был сложным и многогранным. В исторических хрониках, надписях, литературных и юридических текстах IV – VI века прослеживается

постепенное превращение варваров из внешних врагов Рима в его полноправных граждан и даже правителей. Это было обусловлено как политическими реалиями, так и изменениями в самом понимании «римскости» (*Romanitas*), которая в этот период всё больше определялась не этническим происхождением, а приверженностью римским ценностям, законам и христианской вере.

Римские авторы, такие как Аврелий Виктор, Клавдий Клавдиан, Олимпиодор, Павел Орозий, Сидоний Аполлинарий и анонимные хронисты, создавали нарратив, в котором варвары не просто разрушали империю, но и становились её преемниками. Их интеграция в римское общество происходила через службу в армии, принятие римских титулов, освоение латинского языка и культуры, брачные союзы и христианизацию. Эти элементы формировали новую римскую идентичность, которая в значительной степени утратила жёсткие этнические границы, характерные для более ранних периодов.

Ключевую роль в этом процессе сыграла христианская традиция, особенно в трудах Орозия, который интерпретировал варварские вторжения как часть божественного замысла, способствующего расширению христианского мира. Одновременно такие фигуры, как Теодорих Великий, демонстрируют, что варварские правители могли восприниматься как достойные наследники римских императоров, если они придерживались римских законов и традиций.

Таким образом, позднеантичная нарративная традиция отражает глубокую трансформацию понятия римского гражданства и идентичности. Она свидетельствует о том, что к VI веку варвары перестали быть чужаками в римском мире и стали его неотъемлемой частью. Этот процесс, начавшийся с включения варваров в римскую армию и завершившийся правлением варварских королей в бывших римских провинциях, знаменует собой переход от единой Римской империи к новой политической реальности средневековой Европы.

Список использованных источников и литературы

1. Банников А. В. Позднеримские Auxilia // Античный мир и археология.– Саратов, 2006. – № 12. – С. 238–251.
Bannikov A. V. Pozdnerimskie Auxilia // Antichnyi mir i arkheologiya.– Saratov, 2006. – № 12. – S. 238–251.
2. Кирчанов М. В. Изобретение «римского», воображение «варварского»: конструирование имперской идентичности Рима в поздних текстах Овидия // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2023. – № 2. – С. 255–287.
Kirchanov M. V. Izobretenie «rimskogo», voobrazhenie «varvarskogo»: konstruirovaniye imperskoi identichnosti Rima v pozdnykh tekstakh Ovidiya // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. Krasnoyarsk, 2023. – № 2. – S. 255–287.
3. Коньков Д. С. Дихотомия дружбы и вражды в римско-вестготских отношениях как стратегия этносоциальной адаптации: Торисмунд и Теодорих II // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 374. – С. 102–106.
Kon'kov D. S. Dikhotomiya druzhby i vrazhdy v rimsko-vestgot'skikh otnosheniyakh kak strategiya etnosotsial'noi adaptatsii: Torismund i Teodorikh II // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 374. – S. 102–106.
4. Литовченко Е. В. К вопросу о взаимоотношениях римлян с варварами в эпоху поздней античности // Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика

**ОТ ВАРВАРА К ГРАЖДАНИНУ: ПУТЬ В РИМСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ**

гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности»: материалы докладов и выступлений. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2011. – С. 194–198.

Litovchenko E. V. K voprosu o vzaimootnosheniyakh rimlyan s varvarami v epokhu pozdnei antichnosti // Vserossiiskaya molodezhnaya konferentsiya «Kognitivnoe modelirovanie: dinamika grazhdanskogo obshchestva i faktor natsional'no-konfessional'noi tolerantnosti»: materialy докладов i vystuplenii. – Belgorod: NIU «BelGU», 2011. – S. 194–198.

5. Литовченко Е. В. К вопросу о свадебной церемонии в письмах Сидония: некоторые аспекты ритуала // Научные ведомости. Серия История. Политология. Белгород, 2016. – № 22. – С. 56–61.

Litovchenko E. V. K voprosu o svadebnoi tseremonii v pis'makh Sidoniya: nekotorye aspekty rituala // Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Belgorod, 2016. – № 22. – S. 56–61.

6. Литовченко Е. В. Чаша Сидония, кубок Эннодия и кольцо Авита: экфрасис в поздней античности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2024. – № 3. – С. 75–87.

Litovchenko E. V. Chasha Sidoniya, kubok Ennodiya i kol'tso Avita: ekfrasis v pozdnei antichnosti // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». – 2024. – № 3. – S. 75–87.

7. Литовченко Е. В., Шилина С. В. Патронат и эвергетизм в позднеантичном обществе (по материалам сочинений авторов V – первой половины VI вв. // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 103–113.

Litovchenko E. V., Shilina S. V. Patronat i evergetizm v pozdneantichnom obshchestve (po materialam sochinenii avtorov V – pervoi poloviny VI vv. // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4. – S. 103–113.

8. Шкаренков П. П. Образ Теодориха II в сочинениях Сидония Аполлинария: римская *civitas* вестготского *rex* // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 2. – С. 313–325.

Shkarenkov P. P. Obraz Teodorikha II v sochineniyakh Sidoniya Apollinariya: rimskaya civitas vestgotского rex // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. – 2018. – № 2. – S. 313–325.

9. Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire. – Madison: University of Wisconsin Press, 1992. – 192 p.

10. Demougeot E. Restrictions à L'expansion du Droit de Cité dans la Seconde Moitié du IV^e Siècle // Ktéma. – 1970. – Vol. 6. – P. 381–393.

11. Gardner J.F. Being a Roman Citizen. – London: Routledge, 1993. – 256 p.

12. Garnsey P. Roman Citizenship and Roman Law in the Late Empire // Approaching late antiquity. The transformation from early to late empire. Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 133–155.

13. Halsall G. Transformations of Romanness // Historian of the Edge. The Historical, Philosophical and Political Musings of an Autistic Historian. 2013, October 27. [Электронный ресурс]. URL: <https://600transformer.blogspot.com/2013/10/> (дата обращения 3 февраля 2025).

14. Mathisen R. W. Becoming Roman, Becoming Barbarian: Roman Citizenship and the Assimilation of Barbarians into the Late Roman World // Migration and Membership Regimes in Global and Historical Perspective. – Leiden: Brill, 2013. – P. 191–217.

15. Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. – London and New York: Routledge, 2002. – 332 p.

16. Sherwin-White A.N. The Roman Citizenship: A Survey of its Development into a World Franchise // Aufstieg und Niedergang der römischen. Welt 1, 2. – Berlin: Walter de Gruyter, 1972. – P. 23–58.

17. Sollner A. Einführung in die Römische Rechtsgeschichte. – Munich: Beck, 1980. – 186 p.

18. Von Rummel P. The Fading Power of Images: Romans, Barbarians, and Uses of a Dichotomy in Early Medieval Archaeology // Post-Roman transitions: Christian and Barbarian identities in the early medieval West. – Turnhout: Brepols Publishers, 2013. – P. 365–406.

Bredikhin V. V. From Barbarian to Citizen: The Road to Roman Identity in the Late Antique Narrative Tradition

This article examines the transformation of barbarians from external enemies of the Roman Empire into full-fledged citizens and even rulers within the context of Late Antique narrative tradition. The author analyzes

a wide range of texts from the fourth to sixth centuries, including historical chronicles and rhetorical works such as those by Sidonius Apollinaris, Claudius Claudianus, Paulus Orosius, Olympiodorus, and others. The focus is on the various narrative strategies that reflect the process of integrating barbarians into Roman society: military service, the granting of civil rights, intermarriage with Romans, mastery of the Latin language and cultural codes, and the adoption of Christianity. The article demonstrates how these processes blurred the traditional boundaries between «Romans» and «barbarians», forming a new identity based not so much on ethnic origin as on cultural, legal, and religious markers. Special attention is given to the analysis of policies integrating barbarians into the army and administration of the empire, their social mobility, and changes in the perception of Romanness (Romanitas) in the context of political crisis, migration, and the spread of Christianity. The article shows that by the sixth century, barbarians were no longer seen as a threat to the empire but as its successors, continuing Roman traditions within the new political realities of early medieval Europe. Thus, the Late Antique narrative tradition emerges as a key source for understanding the evolution of the concepts of «Roman», «barbarian», and «citizenship», reflecting the transition from the classical Roman world to a new medieval order.

Keywords: Late Antiquity; barbarians; Romans; Romanitas; narrative tradition; citizenship.